

Более 60 лет отработала в знаменитом дымковском промысле **Нина Петровна Борнякова**. И практически четверть века ее дочь – **Евгения Георгиевна Белых**.

Без малого 90 лет общего стажа двух вятских мастериц – серьезное по нашим временам достижение.

С недавних пор поселился у меня на рабочем столе странник – глиняный мужичок размером с ладонь, в подпоясанной красной рубашке и желтых лапоточках, с посохом в руке, с дорожной котомкой на плече. Любезный сердцу подарок дымковской мастерицы **Борняковой**.

Задержусь порой на нем случайным взглядом, улыбнусь тихой улыбкой, и тут же вспомнятся в подробностях наши неспешные душевные беседы-разговоры с **Ниной Петровной**. О жизни ее нелегкой, о судьбе непростой. И о милой сердцу **Вятке** – как же без **Вятки**? И о вере православной, о крестном ходе на реку Великую, на который ежегодно собирается странников-паломников многое множество...

– Бабушка – она же постоянно мне говорила: без Бога не до порога. Она и всех зятек своих так вымолила, чтоб они с войны живые пришли. Все трое... И вот я просыпалась всегда и видела – бабушка уже стояла на коленях. Утром перед лампадой, перед иконами... А еще она говорила с улыбкой, что окрестила меня целых два раза. Как это? Сейчас скажу... Маленькая я еще была, года даже не было. **Макарьевская** церковь стояла тогда закрытая. Потому и возили меня на крестины на лошадях в **Волково**. Это в сторону **Слободского**... И когда из церкви вышли – хлынул ливень. В кушетку сели... или как она там правильно называется? В плетеную кошёвку сели – а дождик поливает и поливает. Вот и второе крещение...

Нина Петровна останавливает свой рассказ, бросает взгляд на окно мастерской.

– И потом бабушка тоже мне всегда повторяла: «Уж ты, девка, в свой-то День ангела обязательно в церковь сходи. Поставь свечечку ангелу...» И ангел действительно меня всю жизнь хранил. Без родителей же росла. И много было всяких разных ситуаций. Вот даже когда весной бегала из **Субботихи** по льду через **Вятку**.

Летом деревянный мост строился через реку, в **Заречный парк**. На понтонах. Ага. Старые люди об этом хорошо помнят... А зимой напрямушки прямо. По льду. Когда я уже бегала пешочком на работу. И самое страшное – когда разлив. Как попадать? Так вот как? Правда, я больно

Нина Петровна Борнякова

смела была или чё – не знаю. Однажды уже весна, бегу спехом на работу. Лед уже подняло. Он уже дал суровые трещины. Вот-вот тронется. А мне все равно надо как-то перебежать, перебраться... Подружкам субботинским в Кирове на ту ледоходную пору родители комнату снимут. Или квартирку на двоих, на троих. А мне-то кто снимет? Бабушка? Ну, да... Я потому так и бегала... И вот тропочка на льду уже с берегом не совпадает. И полынья огромная, метров пять. Я вперед пробегу – там не перепрыгнешь, обратно вернусь – тоже не перескочишь. И вода уже льется поверху. Ну и чё? Стою в растерянности. Хоть плачь, хоть реви... А тут дверь деревянная плывет. Тихонечко так по течению сплавляется. И я отчаянно прыгаю на эту дверь, как на плот, и она медленно

так подчаливает к городскому берегу. Ух! Повезло, не потопла... На обеде смотрю – лед вовсю пошел. В общем, такая вот занимательная петрушка...

Или возьмите выбор профессии – настоящий подарок судьбы. Тоже меня в промысел Бог привел, никак не иначе...

Когда я сюда пришла, в городе игрушку еще никто не покупал. Ни в какую... Поэтому нас заставляли о ней рассказывать, показывать. Мы много ездили для пропаганды. Ну, кто-то там в Париж, по границам, а я все больше в глубинку, в Малмыж, в Арбаж, в Тужу, Синегорье...

Приедешь порой с корзиной, полной игрушек, выставишь их на стол ладными веселыми группками. Это не выставка, это просто знакомство. Повествовательный в общем рассказ, что у нас, на Вятке, есть такой народный промысел, что он сейчас развивается... Соберутся в школе дети, учителя, все удивляются в восторге: «Ой, как красиво, ой, как замечательно...» Еще и старушки некоторые прибегут, доярочки с местной фермы, и заводят наперебой, наперекрик: «А я хочу коровку! А я хочу коника!..» И все рады, и тебе от чужой радости тоже радостно...

Игрушка тогда дешевая была. Потому что глину нам давали бесплатно, краски давали бесплатно. Вложения очень маленькие... А сейчас что происходит. Мы и глину покупаем: 75 рублей килограмм. Это же невозможно, невыносимо – глина дороже хлеба... А краски? Вон тюбичек – такусенький, малюсенький – 250 рублей! А возьми желтый, красный, оранжевый – они и вовсе по 300... И что выходит в сумме расходов? А выходит, что я на две тысячи только красок должна закупить да на две тысячи глины. Уже общим счетом 4 тысячи рублей. Плюс обжиг. Плюс электричество. За все заплати. Сумасшедшие тоже деньги...

А в магазин девочки игрушечку сдают, что потом там наблюдаем? Допустим, оценила мастерица барыньку в полторы тысячи, а она в продаже будет стоит все три! Вот такой навар в торговле, такая сумасбродная наценка. Прямой ужас...

Да, ужас прямо... Знаю-понимаю хорошо: крайне большая это тема для мастерицы. Говорить о стоимости игрушки – только душу по-пустому бередить, расстраивать. Словами пока делу не поможешь. Потому спешу вернуть Нину Петровну на воспоминания о днях прошлых, дорогих. О том, например, как все же сподобилась она сходить однажды в крестный ход на реку Великую...

– Я давно слышала о Николае Чудотворце, поскольку бабушка часто говорила: крестный ход, крестный ход. Она и сама мечтала сходить, но все было некогда... А бабушкина сестра Лизавета ездила даже в Киев, в Лавру. «Туда-то и мне побывать хочется...» – загадывала порой и бабушка. Загадывала и только. Но у той-то дети богатенькие, могли себе позволить. А у бабушки чё, одни девки...

Так с годами постепенно и у меня в мыслях отложилось: должна и я в крестный ход сходить. Но время шло, и никак не получалось. А возраст уже к 50-ти... Тогда и думаю: позднее уже тяжело будет. Если не сейчас, то когда? Пожалуй, и никогда?! Так и настроилась. А муж-то противится: «Куда? Зачем? Не пойдешь...» Я ему говорю: «Гера, я пойду... Скажи лучше: «Иди с Богом!» И я пойду...» А он все никак не мог это пожелание из себя выдать. Долго рещался...

А на дворе начало девяностых. Советский Союз рухнул. И какое-то состояние – словно, все равно. Что дальше будет, как будет. Равнодушие какое-то слепое и безразличие...

Но вот собралась, рюкзачок снарядила. Хлеба взяла да огурцов. От мужа разрешения наконец добилась. И к Макарьевской церкви подошла. Там меня соседка и присмотрела: «Ой! Ты чё это, Нина, пошла?» – «Да, собралась...» – «Ой, тогда и я с тобой!..» Побежала тут же домой, собрала что-то в скромный пакетик. И как была – в платье, в домашних тапочках – так и отправилась со мной на Великую...

А тогда в крестном ходе немного шло – человек шестьсот. Так что не заблудишься, можно всех скоро найти... Но шли интересно. Впереди хор – все в каких-то белых одеждах. И пели всю дорогу. А я пристроилась сразу за певчими. Так легче идти: с пением, с молитвой...

Шли по страшному бездорожью. Боже ты мой! А бедная соседка, которая пошла в тапочках... Мы все пакеты для нее собрали, на эти тапки намотали, привязали бинтами. Чтобы в грязи она их ненароком не утопила...

Помню, Загарье прошли, видим: навстречу туча черная. Сейчас как польет! Ой, что будет?! А кругом один лес. Некуда скрыться совершенно, негде спрятаться. Вдруг какая-то старая деревенька в пять домов образовалась. Прыгаем там под навес – и тут же ливень с градом. Сплошной стеной. Такой град пронесся немаленький – нас бы точно всех пошибало. А так словно Бог пас. Сбереглись...

Что еще интересно? Проходили деревни Семаки, Барамзы, еще какие-то... А у нас от Барамзов была Трефилова, мастерица. Она такая русенькая, голубоглазенькая, маленькая, полненькая... Смотрю, а тут

женщины, которые крестный ход по обочинам встречают, провожают – ну, все, как Трефилова. Вылитые. Так похожи, так похожи, один тип... А из Загарья у нас была Фокина. Смотрю тоже – идет навстречу точная Люсина копия. Такая же здоровая, черная, грудастая. Ну, надо же, как порода в людях повторяется...

В Великорецкое пришли – сразу холод страшный. Чуть не ноль градусов. На берегу костры разожгли, грелись. А мы в школе ночевали, на втором этаже... На второй день на исповедь сходила, после службы в купели искупалась... И обратно бы с ходом пошла, если бы не соседка – настолько она была вымотана. Не решилась ее оставить. На автобусе вместе в город поехали...

А когда вернулись в Вятку, я почувствовала что-то необыкновенное. Невесомость. Насколько стало легко на душе. Я летала просто, земли под собой не чувствовала. Такое было состояние... На работу пришла – все удивились. Говорили, что я светилась прямо. Слово другой человек. Видимо, иное стало выражение лица, что-то и в разговоре изменилось... Так бывает. Не прошли, значит, даром эти несколько дней крестного хода. Там же идешь – все сливается совершенно. Природа, небо, земля. Но непременно замечаешь, как утром солнце всходит. Или какой закат вечерний... И ты сейчас – словно частица малая огромного мира...

Я там ни с кем не разговаривала, шла и молилась. Как могла...

Нина Петровна вздыхает и замолкает надолго. Но наше молчание не тягостное, не томительное. Со светлой грустинкой...

– Один раз только я на Великую сходила, больше не бывала. Считаю – достаточно. Да и ходят ныне многие, как туристы, еды с собой наберут полные мешки... Но каждый год непременно хожу провожать. Тут и встречаем ход – у Дымкова. Выходим на дамбу и потом с крестным ходом доходим до Макарьевской церкви. На службе постоим. Если кто знакомый – пометочку пошлем, денежку на свечку...

Крестный ход для меня – это и память о бабушке. Порой перед встречей иконы успеваю забежать на кладбище, где родные похоронены: помяну их всех, постою в молчании около могилки. И уж потом иду провожать в дорогу святителя Николая...

Бабушка, бабушка... О своей бабушке, Анне Александровне Окуловой, или как ее все деревенские в Субботихе называли просто «мати Анна», вспоминает Нина Петровна почти поминутно. Да и может ли быть иначе, если именно бабушка после ранней смерти родителей ее подняла, вырастила, во взрослую жизнь вывела.

С 1958 года Борнякова в дымковском промысле – считай, более 60 лет. Огромная трудовая биография. А пришла совсем молоденькой шестнадцатилетней девчонкой. Но озорной, заводной. С младых ногтей она такая...

– Хотите расскажу, как я в школу впервые пошла? Как побежала босиком 1 сентября? На боку сумка брезентовая. Из-под противогоза. И чё там было в ней, уж точно не вспомню. Ну, может, тетрабочка какая-то. Может, и книжка... Никто не провожал, только мама в окно ручкой помахала... Пришла я, такая шустрая, в школу и сразу к учителю. И меня посадили за первую парту... Посмотрела я тогда по сторонам: «Боже мой!» Все какие-то «дяди». Мне-то еще семи нет, я же декабрьская, а кому-то аж

восемь-девять. А в 9-то лет все уже большие... Учительница тут спрашивает: «Кто что может рассказать? Стишок, песню там или что-то еще...» Все сидят, молчат угрюмо, глаза в пол уперли. А я шустрая, заявляю: «Я могу!» Учительница говорит: «Ну, давай, Нина!» И тогда я спела песню:

*По росистой луговой
По извилистой тропинке
Провожал меня домой
Мой миленок с вечеринки...*

В общем, всю песню про провожанки и любовь – от начала до конца. Учительница прослушала меня, не остановила. Напротив, даже похвалила. Сказала: «Хорошо, Нина, молодец. Только это песня взрослая...»

«Ну и что, что взрослая? – думаю. – Зато какая заводная. Другие-то вообще молчуны, ничего не могут...»

Потом парень один встал, хотел что-то рассказать. Но все у него тут же вылетело из головы. Только что-то пальчиком показал – весь класс захохотал. И его в угол поставили.

Девушка одна тоже встала: «Я в лес ходила, птицу видела...» И все, и села. А какую птицу видела – непонятно... В общем, единственная я нормально выступила. Хотя и со взрослой песней...

Когда поначалу все мастерицы в Доме художника в общей мастерской сидели, Борнякова тоже запевалой выступала. Ее и просить специально не надо – сама первая с задором, с инициативой.

– Я много песен знала. И, конечно, мы сидели и пели. Очень много пели. Ну что, бабы есть бабы. Кто-то, конечно, и про мужиков заговорит – одна про своего, другая про своего... А мы-то что, девчонки? Нам, главное, попеть. Хотя тоже порой о парнях хочется... И вот начинаю я что-нибудь рассказывать, а Печенкина сразу в спор: «Врешь ты все, врешь...» Я говорю: «Что это я вру? Да если бы я все рассказала, что знаю, вы бы не такое услышали. У меня же шесть братьев. Да у каждого по три друга. Да все они к нам ходят, да все что-то рассказывают... Да если я, да если бы... да вы бы еще не такое от меня услышали...» Как бабушка говорила: «Всю жизнь живем, как на вулкане, с этими парнями...»

Они же и дрались постоянно. А как иначе? Вот ты с кирпичного завода – так за нашими девками не бегай. Субботинские девки только наши. А если не понимаешь – надо проучить, надо отлупить. В общем, это что-то было. Дрались так, что рубахи летели. И я потом им рукава пришивала, воротники пришивала... А шесть братьев – это такая орава...

А учеба наша в промысле поначалу в чем заключалась? Вот приходила Пенкина Зоя Васильевна, старушка. И она сидит и из глины лепит... Ну, что лепили – лошадку, свистульку. И барыню... И я глаз не спускала, как она лепит. Но она никому ничего не поправляла абсолютно. Все должны были самостоятельно сразу слепить... Ну, вот Пенкина слепила, поставила и убежала. На Дымково. Или кто другой... Они же не сидели с нами целый день, наши учителя. И не говорили: так делай или не так делай... Никто ничего не поправлял. Вот видишь, как они лепят, и повторяй... Или поставят игрушки на возвышенность: вот смотрите...

Оленя там Коссовского, например, барыню Безденежных. Или Кошкинские старые работы... И мы должны были только копировать. Так что все было на поглядок.

Но я сразу влюбилась в игрушку, сразу ее приняла... Это же просто Богом посланная игрушка на Вятку. Не иначе...

Когда мы начали более-менее работать самостоятельно, Михал Михайлович Кошкин, возглавлявший Союз художников, нас воспитывал. Постоянно твердил, что по магазинам нас никто знать не будет. Нужны выставки. А если выставки – значит, надо работать творчески. Надо придумывать новые сюжеты. Новые орнаменты. И когда придумаешь что-то новое, невольно подумаешь: «Ой, какая молодец! Как у меня красиво получилось...» Я и бабушке все время повторяла: «Бабушка, как мне нравится. Как нравится!..» А она в ответ: «Ой, девка, принеси-ка мне игрушечку. Я к куме собираюсь, так хоть ей подарю...»

Бабушка была от моей игрушки в восторге. Она даже приходила в Дом художника. Посидела у нас за столом. С Кошкиным пообщалась, спросила, как тут ее Нина? Способна ли, старательна ли? Он ответил: «Не переживай, будет из нее мастерица». Бабушка ушла довольная. И потом все время говорила: «Я, как пойду в церковь-то, обязательно за него молюсь... Как здоровье-то у начальника? Все ли нормально?..»

Дымковская игрушка – это традиции. И старины глубокой, и лет не столь дальних. Традиции в лепке, традиции в росписи, в орнаменте. И все равно каждая игрушка сказочно прекрасна и неповторима. Сколько бы раз ее сюжет ни повторялся...

– У нас все работы авторские, у каждой мастерицы собственный почерк. Вот тот же медведь – он традиционный, дымковский. Но у меня – это хозяин леса. Вот он именно такой. Полновластный хозяин лесных чащоб!.. Если взять работы Любы Садаковой – у ней маленькие медвежатки. Они все играют, бегают... У Фалалеевой – медведи больше цирковые: в сарафанах, с гармошками... Так что даже медведь у всех разный. А тем более барыни...

Вот я люблю барынь русских. В кокошниках, в сарафанах. Или моя любимая водоноска... Как нам раньше рассказывали, поучали: когда девушка шла к колодцу за водой, она надевала самое красивое платье. Когда она с коромыслом – видно ее стать, всю ее силу и здоровье. А парни в это время сидели на завалинке и выбирали себе невесту. Именно так: не в хороводе выбирали, а в огороде...

Но все же традиция – не есть что-то окаменелое, очерченное строгими рамками, за которые ни-ни...

– Еще я люблю лепить зайчиков. Но если делаю зайчиков, то непременно голубых... Но тут приходит искусствовед и строгим голосом вопрошает: «Где ты видела голубых зайцев? Ни у кого из старейших мастериц никогда их не было...» – «Но мне нравятся голубые зайцы, – протестую тогда я. – Вот и у Пастернака голубые зайцы скачут... Так что делала голубых и буду делать...»

И это совсем не каприз.

Прежде никто старушкам слободы Дымково не диктовал: так лепи или так не лепи. Так не расписывай, а так можно... Они работали и расписывали так, как душа просила.

Вот и я стараюсь работать так, как угодно моей душе...

МАСТЕРИЦА, ДОЧЬ МАСТЕРИЦЫ

Евгения Георгиевна Белых

встречу сняла Евгения Георгиевна тряпочку-покрывалку с игрушки, стоящей на обочинке своего рабочего стола. И предстала передо мной во всей рукотворной прелести изящная глиняная композиция: приземистый рыбак в бушлатике и неизменной тельняшке поддерживает осевшую на мощный хвост и ослепляющую взгляд золотой чешуей чудо-рыбу весьма основательного размера – практически с человеческий рост.

Ай, красота, ай, загляденье!

Памятный тот образец сохранить бы, конечно, следовало. Но не сдержался – отправил в подарок дымковскую Царь-рыбу в город Чусовой Пермского края, в музей Астафьева, основанный на месте бывшего колбасного завода, где Виктор Петрович по ночному дежурству написал свой первый рассказ. За первой игрушкой скоро последовали вторая, третья, пятая, десятая – на Урал, в Сибирь, на Алтай, на Псковщину. И сегодня Царь-рыба с Вятки мастерицы Евгении Белых украшает коллекции многих отечественных литераторов, выставлена на почетные полочки крупных российских библиотек.

Есть такая заветная игрушка и в моей домашней коллекции. А по соседству с ней – устремилась в светлую даль лихая тройка рысаков, запряженных в воздушные розвальни. А в санях этих легких распахнул горячий полушубок, развернул во все меха веселую хромку золотокудрый красавец Есенин.

...Царь-рыбу до нее никто не лепил. Утверждаю это со всей ответственностью. Сколько дымковской игрушки пересмотрел в последние годы – и на выставках, и в альбомах: нет, не было ничего подобного. А тут засиделись как-то за неспешным разговором в мастерской Евгении Белых, открыли в откровении свои литературные пристрастия – у меня прозаик Астафьев, у нее – поэт Есенин, я и вспомнил между делом о знаменитом романе русского писателя. И пожелание невольное высказал: слепить бы эту заветную астафьевскую Царь-рыбу в традициях нашего дымковского промысла. Да так слепить, чтобы всем на радость, на восхищение.

Долго ли, коротко ли прошло с той поры, только в нашу новую

ГОЛОВА – НОГИ.

Детские воспоминания Евгении Белых скромные, ломкие, обрывочные... Помнятся дымковские мастерские на улице Труда, где маме выделили для проживания семьи маленькую комнатуху на первом этаже. А мама – уже состоявшаяся мастерица Нина Петровна Борнякова из знаменитого осеннего набора 1958 года... А еще садик-пятидневка, где она рисовала и уже что-то пыталась лепить. Кукольный театр, детские праздники и новогодние елки в Доме художника, где все всегда броско, ярко, шумно... И любимая кукла – очаровательная кудрявая блондинка импортного происхождения, привезенная по случаю мамой из столичной командировки... И чуть позже художественная школа, куда, оценив ее натюрморты, Женю взяли сразу во второй класс. И, конечно, спортивные увлечения: коньки на Филейке, бассейн у филармонии...

– Хорошую подготовку Женя получила еще до «художки», – вспоминает Нина Петровна. – Она же практически выросла в моей мастерской. Когда приходила ко мне на работу, я выдавала ей листы: не альбомные – побольше форматом. И краски. И она смело этими красками пользовалась... А знаете, что рисовала? Не поверите. Голова – ноги, голова – ноги! Спрашиваю однажды: «Ты почему так рисуешь? Все-таки у человека есть еще и туловище...» А она одно: «А зачем оно? Не понимаю...» И было ей тогда годика четыре... А потом сложнее сюжеты пошли. Целые замки. Королевы там всякие, принцессы...

В январе семьдесят второго в областной газете «Кировская правда» вышла публикация «Мир глазами детей». В ней художник Потехин, представляя выставку детского творчества, открывшуюся в Выставочном зале художественного музея, в частности, писал: «Детское творчество очаровывает чистотой чувств, непосредственностью, радостью цветовых гармоний, своеобразной восторженностью. Очень хорошо сказал на эту тему Ушинский: «Дети мыслят формами, красками, звуками, ощущением вообще...» Несколько работ четырехлетней Жени Борняковой зритель найдет в экспозиции, но особенно интересна детской смелостью, цветовым восторгом ее работа «Самолетом хорошо, а на олене лучше»...

Эта заметка хранится в семье мастерицы до сих пор.

ЧТО ЛЕПИМ? ПОРОСЕНКА!..

В три-четыре года она впервые взяла в руки и глину. Что лепила? В основном птичек. Для ребенка это, пожалуй, самый доступный образ. Понятный и простой. И особо объяснять ничего не надо – это клювик, это глазки, это крылышко. Все ясно. Только по цвету можно что-либо подсказать. Хотя и здесь Евгения соображала сама. И игрушки после обжига тоже расписывала самостоятельно. Потом их благополучно раздаривали знакомым...

Впрочем, становиться дымковской мастерицей девушка не загадывала, хотя рисовала всегда с удовольствием. И «художку» с радостью

посещала. Но после школы решила учиться на модельера-конструктора одежды. Однако скоро поняла – эта профессия не для нее. В итоге закончила педучилище, работала в детском саду воспитателем. Пока не начались серьезные проблемы с выплатой зарплаты.

– Был год Поросенка: все активно лепили поросят, – рассказывает Нина Петровна. – И Женя придет ко мне, а я советую: «Давай, начинай... Лепи поросят». А тогда экскурсий много ходило. И даже мастерицы сами проводили экскурсии. И предлагали недорого купить игрушки. И Женя сколько налепит – мы все продадим. Дешево, конечно, но хоть на проезд заработаем... Вот с этих поросят она и начала осваивать промысел. И смело лепила, поскольку особого орнамента там нет. Оборок тоже нет. Вроде, нечего мудрить-то... Ну, а потом и петушки пошли, и другие птички-зверушки... Неофициально работала – потому, как правило, не на целый день приходила, часа на два, на три. Так потихоньку и втянулась. И когда подкопили мы игрушечек изрядное количество, я Надежде Петровне Трухиной, председателю правления, подсказала: «Давайте покажем Женю художественному совету. Пожалуй, она готова работать самостоятельно...» Надя не возражала. И художественный совет вынес решение: Женя может переходить в мастерицы. И ее оформили, но она поработала только месяца два-три и ушла в декрет. И опять на три года выпала...

РУКИ МАСТЕРИЦЫ.

Зашел разговор о том, какие руки должны быть у мастерицы дымковской игрушки.

– Сильные, крепкие... – с ходу ответила Нина Петровна.

– Крепкие в каком смысле? – переспросила Евгения Георгиевна. – Вот я про себя скажу. Я считала, что у меня очень слабые руки. И когда занималась спортом, никогда не могла ничего бросать или метать – только бегала и прыгала. А метание... Вот гранату брошу – каких-нибудь пять метров результат. Может, конечно, и техники не хватало... И в нашем деле сила в чем-то ином. Не только нужна, чтобы глину месить...

– Вы же в основном кистями рук работаете?

– Ну, естественно, – соглашается Борнякова. – Но и вся рука тоже задействована. Потому что мы поначалу сами и глину месим... Труда физического у нас много. Вот сейчас надо игрушку в обжиг тащить. Потом из обжига обратно. Или навести побелку. Это тоже физических сил требует... А раньше, когда только пришла в промысел, нам приходилось порошковые краски разводить. Вот и сидишь, растираешь порошок, растираешь. Потом ждешь, пока он растворится. Так что кропотливого, упорного труда достаточно. Но надо и усидчивость иметь. Только при большом желании и из любви к промыслу можно настоящей мастерицей стать... Вот и Женя знала, что ей придется долго дотягиваться до мастерства. Хотя и начинала рядом со мной.

– А ваши педагогические требования – они какие?

– У меня больше на самостоятельности все построено. Я никому ни одной игрушки сама не поправила. Только показываю. И если ученица

не может слепить – я ей не поправлю. Пусть сама добывается правильной формы. С первых дней вырабатывает свой стиль. А то прибегут: тюк-тюк... тяп-ляп... Нет, так дело не пойдет – добивайтесь сами... К сожалению, сейчас многие озабочены тем, как заработать деньги. А Женя – она к этому не стремилась, поскольку муж все-таки обеспечивал неплохо. И она делала немного игрушек, но все время старалась улучшать качество. И колорит свой выбрать, чтобы немножко от моего отличался. Или спросит мое мнение, мой совет, но сделает все равно по-своему...

ЗАЧЕМ ПРИДУМЫВАТЬ КОЛЕСО?

Вдымковский промысел пришла Белых в 1995 году. До нее лет пять никого в ученицы не брали. Да и после тоже получился продолжительный простой. Так что целое десятилетие в плане ученичества, можно признать, выпало.

– Посадила меня мама перед собой в мастерской – все, давай работай, – вспоминает Евгения Георгиевна. – А мастерская была большая – там сейчас у нас правление... Но я еще какое-то время могла свободно прийти – уйти. Убежать с работы в любое время, сына куда-то отвезти. Для меня же всегда была важна семья... И пока я училась – на меня никто особого внимания не обращал. Ходи – как хочешь. Но с подачи мамы постепенно привыкла, мне все стало нравиться...

Помнит она прекрасно и первых глиняных поросят. Среди них были даже голубые хрюши. Забавно, конечно, но и красиво смотрелось.

– А есть игрушки, которые вы лепили и лепите с удовольствием, и они ближе сердцу? А другие – напротив, просто в силу необходимости?

– Любишь – не любишь, но все равно лепишь, если нужно. Хотя у меня и не было такого: не люблю и не буду. Вот зайцы – они у меня не сразу пошли. И до сих пор я их редко леплю. Львов тоже... Хотя не скажу, что к теме животных прохладное отношение. Мне нравятся любые лошадки, олени, козлы – все на ножках. Нравятся небольшие индючки на одной ступочке, как мы говорим. Барыни нравятся, у них большое разнообразие. Вот водоноска – чаще всего в кокошнике ее лепим. И с караваями сейчас модно. Прежние старушки-мастерицы с караваем барынь меньше лепили. Или нянечки разные... Последняя у меня нянечка – около нее восемь детей. Но больше по душе вариант с учительницей – эту творческую работу я у мамы переняла...

– Опишите ее.

– Это классическая барыня, но мы ее называем учительницей, потому что с книгой ее лепим. И вокруг дети, которые могут стоять с портфельчиками. Или с рюкзачками – лепятся такие сумочки. А еще я лепила – все детишки стоят с цветами. Вроде, как первоклассники... Или сама учительница может стоять с цветами, что ей надарили, а вокруг нее детки. И чем больше размер барыни, тем больше число ребятшек...

Впрочем, сегодня от покупателя многое зависит – мы же крепко завязаны на продажу... Пришел человек зимой – ему и хочется игрушку

Мать и дочь

на зимнюю тему. А слепи летом зимнюю тройку – она долго может на прилавке простоять... Так что летом лучше летнее. Вот я колодцы люблю лепить – условное название: встреча у колодца... Мама показала – и у меня возникла привязанность к определенным сюжетам. Зачем изобретать колесо, когда оно уже придумано?

И КАРАБАС, И ПАПА КАРЛО...

Семья для нее всегда была на первом месте. И пока дети были маленькие, никуда особо не ездила, ни на какие выставки. И на работах сидела более простых. Творчества – минимум.

– Когда я пришла в промысел, в нем работало много мастериц старшего поколения, – вспоминает Евгения Георгиевна. – И все они творили. На них и было обращено основное внимание... А что сейчас? Ситуация абсолютно иная. Остались мы (возраст 50-55 лет) и 20-30-летние. И между нами никого нет, полный разрыв. Мы в промысле по двадцать-тридцать лет, и те, у кого за плечами два-три года, максимум пять... Поэтому мы и пытаемся научить новичков всему и сразу. И побыстрее Творчеству в том числе... Впрочем, иногда думаешь: да ну его, это творчество! Это же сложно, каждый раз что-то придумывать. А так никаких забот. Но чем больше работаешь – тем отчетливее понимаешь: творчество – это занимательно.

На групповую выставку «Зимние забавы», первую в своей практике, Белых по совету матери слепила ледяную горку. С нее и медведь катился, и собачка. И всякое разное малое зверье. И за всем этим веселым действием наблюдала Снегурочка, стоящая на олене... Потом во вкус вошла – слепила карусель. Хотя сомневалась очень: получится – не получится. Карусель же мало кто лепит. Но Нина Петровна подбодрила: «Давай делай...» Она и сделала. Посмотрела у старых мастериц, поизучала мамины работы... Лошадки, олени, козлики, бараны сидят, ребятишки катаются. Все равно ее в детскую тематику тянуло. Видимо, оттого, что у самой дети росли. Сказалось... Потом подумала, что и зимой на карусели катаются. И посадила всех на саночки. Приодела в шапки, шарфики и платки... А летом вместо сидений ракеты пошли.

– Когда в нашем музее очередная выставка готовилась, сказочную тему решили обыграть. Хотя все сказки, вроде, леплены-перелеплены.

А у меня одна карусель в голове... – улыбается Евгения Георгиевна. – И еще сказка про Золотой ключик. Но театр лепить – зачем? Пусть все персонажи на карусели катаются. И Буратино с книжкой поехал у меня на петухе, Мальвина на пуделе Артамоне... И Карабас-Барабас там был, сидел в кресле с бородой, и папа Карло стоял с шарманкой... Еще хотела Лису-Алису изобразить, и кота Базилио. Но для них уже времени не хватило...

А вот тролля лепить она напрочь отказалась. Знакомый однажды попросил, мол, его приятель фигурки троллей собирает. Они на пару с мамой и просвещали этого знакомого, что тролль – существо страшное, нехорошее, человеку враждебное. Зачем подобное безобразие дома держать – непонятно. Вот Бабу Ягу – еще куда ни шло.

Бабку-ёжку Евгения Георгиевна слепить готова. Но только добрую...